

УДК 340.153:93.17"

Шевчук-Белая Я. В., НУ «ОЮА»

ПРАВОВОЕ ПРОЛОЖЕНИЕ СЛАВЯНОСЕРБСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ ДО 1762 ГОДА

Стаття присвячена заселенню гусарськими полками, які за національним походженням були волохи, півдня Російської Імперії – «Слов'яносербії».

Статья посвящена заселению гусарскими полками волохов юга Российской Империи – "Славяносербии".

The article is sanctified to settling by hussar shelves which after a national origin were walachians, souths of Russian Empire.

В эпоху Анны Иоанновны гусарские полки постепенно превращались в поселенное войско. Каждому гусару был положен определенный земельный надел, который он должен был обрабатывать в свободное от службы время сам или при помощи наемных рук. Сверх того ему полагалось жалование в размере 38 р. 94 к., которое должно было идти на приобретение коня, оружия и платья. В качестве боевых частей гусары, как это нам известно, не оправдали возлагавшихся на них надежд: благодаря своему пестрому и неустойчивому составу они приносили больше хлопот и забот, чем пользы. Что касается поселения их, то мы, к сожалению, не осведомлены ни о том, в какой мере оно было осуществлено, ни где они были водворены. Есть основание думать, что они были направлены на южную границу, на которой вскоре поселяются и новые, сербские, гусарские части.

В начале царствования Елизаветы Петровны в русской армии имелось 5 гусарских полков; это были так называемые старые гусарские полки: Сербский (или Старосербский), Венгерский, Грузинский, Молдавский и Волошский. Они пополнялись только завербованными или добровольно записавшимися в них сербами, болгарам, македонцами, грузинами и волохами. Поселенным был Сербский; прочие считались полевыми. По численному составу своему они были очень неодинаковы, но все некомплектны: в Сербском полку, например, ко времени Семилетней войны насчитывалось 1045 чел., в Венгерском – 510 чел., в Грузинском – всего одна рота.

Старые гусарские полки не удовлетворяли своему назначению; это было совершенно очевидно.

Между тем вопрос охраны и заселения южных областей, вопрос колонизации их элементами, которые могли бы одновременно служить и их обороне, приобретал в связи с трудностью использовать свои людские ресурсы все большую остроту. В этом отношении

Елизавета решительно становится на путь, указанный Петром, – заселения рубежа, обращенного к Турции.

Венгры, мечтавшие о продвижении своих границ до Дуная и Савы, потребовали передачи им областей, заселенных сербами, и кассирования подунайской, потисской и поморошской милиции. Но проект, состав сербов, усмотревших в нем нарушение ранее данных им обещаний, и австрийцам пришлось искать нового выхода из положения, который удовлетворил бы и сербов, и мадьяр. В качестве такого выхода был предложен проект устройства пограничной полосы, составленный в 1748 г.; но он оказался для многих сербов неприемлемым, и наиболее непримиримые из них решили переселиться в Россию. После некоторых колебаний австрийское правительство удовлетворило желание этой группы, но так как она продолжала расти, то правительство стало чинить переселению всякие препятствия, а затем и вовсе запретило его.

Движение в пользу выезда возглавляли полковник Иван Самойлович Хорват (HorwatU od Kurticz) и подполковники Иван Юрьевич Шевич и Ранко или Родной Иперадович (или Депрерадович). Явившийся в Россию первым (в октябре 1751 г.) и сумевший заинтересовать в своих планах руководящие петербургские сферы, Хорват получил возможность устроиться наиболее выгодным образом [1].

Австрийским выходцам было разрешено поселиться вдоль польской границы. Область эта получила наименование Новой Сербии. Это были земли, занятые издавна выходцами из Гетманщины, Запорожья, Слобожанщины и Польши.

Однако русское правительство, крайне дорожившее иностранными поселенцами, решило пожертвовать местным населением. Епископ Феодосий говорит о том, что оно охотно уступало не только землю, но и свои дома единоверным пришельцам. Действительность была очень далека от этой идиллии [2].

Указом Сената от 29 января 1752 г. было предписано выселить местных жителей, казаков, подсоседков, посполитых и других в количестве 4008 дв. «в прежние места»; строения свои они должны были продавать пришельцам. Это вызвало протесты гетмана, ссылавшегося на царские указы на выселение и вторжение выходцев из Польши [3].

20 октября 1752 г., сделано исключение только для старожилов, которых разрешено было до времени не трогать. Польские же выходцы должны были переселиться в степь на 20-верстную полосу к югу от границ Новой Сербии на незанятые запорожские земли. По подсчету начальника края ген. Глебова, произведенному в 1752 г., старожилов было всего 16 % (643 дв.), но понятие о старожилах не было точно установлено и на самом деле их было гораздо больше.

Однако те, кому было предписано вернуться «в прежние места», возвращаться не хотели и устраивались в степи, в 20-верстной полосе: правительственные агенты оказались бессильными бороться с движением, и Сенат указом от 18 августа 1753 г. дал на то официальное разрешение. Таким образом была заселена упомянутая 20-верстная зона и близ правого берега Днепра территория, занятая некогда выходцами Полтавского полка. Эта полоса и явилась началом Новослободского казачьего поселения. Старожилы перебрались сюда лишь частично. Многие, особенно ремесленники, остались у сербов, которые нуждались в рабочих руках и неохотно расставались с ними. Оберегая сербские интересы, правительство требовало, чтобы местное население всячески обслуживало пришельцев. Жалованная грамота Хорвату (п. 16) говорила, чтобы оно «не токмо какое помешательство, притеснения или обиды приключать не дерзало бы, но в потребных случаях всякое благоволение и вспоможение (сербам) всегда показывало бы» [4]. В связи с этими работами приостановлено было и упомянутое выше переселение старожилов, которое было поставлено в зависимость от притока сербского элемента, а позже правительство не чинило препятствий притоку в Новую Сербию украинцев из Новослободского поселения.

Образование Новослободской полосы вызвано было, однако, не одним только стремлением освободить насиженные места для иностранных колонистов, но и желанием обезопасить их со стороны степи. Уже указом Сената от 18 августа 1753 г. было постановлено «учредить (Новослободское поселение) казаками так, как слободские полки состоят». Еще ранее указом от 29 января 1752 г. было предписано заложить, согласно ходатайству Хорвата, крепость св. Елизаветы, которая должна была служить опорой защитной зоны в центре, подобно тому как на флангах ту же роль играли Архангельский городок на Синюхе и Мишурин Рог на Днепре. Наконец, для охраны Новой Сербии от татарских набегов постоянно содержались в степи на форпостах 3000 казаков, которые для этой цели высылались регулярно из Малороссии.

Однако образование Новослободского казачьего полка осуществилось только во второй половине 50-х годов XVIII в., а полная его организация проведена лишь в 1761 – 1762 гг. при коменданте Муравьеве, когда были окончательно устроены полковые сотни, старшина и т. п.

Новосербские военные колонисты образовали первоначально один гусарский и один пандурский полк, делившийся каждый на 20 рот. Каждая рота занимала особый район с укрепленным поселением в центре, шанцем, устроенном иногда на месте уже ранее существовавшего селения, почему они и сохранили в некоторых случаях русские

названия. Новомиргород, штаб-квартира Хорвата, имел особый гарнизон, составленный из сербов, болгар, македонцев и волохов, всего 300 человек; но гарнизон этот был фактически сформирован только в 1760 г. Что касается Новослободского полка, то отведенная ему сперва полоса степи была затем расширена еще на 20 верст и быстро заселилась за счет запорожских земель. Во главе полка стоял с 1753 г. особый полковник, но с 1754 г. фактическая власть над полком и поселением принадлежала коменданту крепости св. Елизаветы. Ввиду все разраставшегося населения Новослободского полка и роста его значения русское правительство старалось подчеркнуть его равноценность с Новой Сербией и независимое от последней правовое положение. Входявшие в состав полка и возникшие в большинстве случаев в 50-е годы слободы управлялись сотниками. В промежутки времени до реформы 1761 – 1762 гг. их насчитывалось 28. Согласно реформе их стало благодаря перегруппировке 20. Крепость св. Елизаветы составляла особую единицу и имела свой, русский, гарнизон. Для наших целей этих общих очертаний вполне достаточно.

Заселение Новой Сербии, несмотря на то что она была поставлена в весьма выгодные условия, протекало не совсем так, как это представляли себе вначале организаторы этого дела.

Наряду с иноземцам в составе местных полков и старожилов есть новые выходцы из Левобережья – украинцы. Они оказываются не только в роли подсоседков у сербов, но вступают и в пандуры; украинцы встречаются также и среди командного состава. Таким образом, двери в Новую Сербию оказались волей-неволей широко открытыми для представителей различных национальностей.

Такой же наплыв самых разнообразных этнических элементов наблюдается и в Новослободской полосе. О старейшем слое местного населения мы говорили выше. Скоро сюда стали являться русские раскольники из России и Польши, украинцы из Гетманщины и Польши (из районов Умани, Смелы, Чигирина и др.), выходцы из турецких владений (например, из Бендер), греки, евреи, молдаване и валахи. Одновременно продолжались переходы в эту зону новосербских поселенцев опять-таки различных национальностей. В 1761 г. Сенат разрешил принимать в приграничную полосу волохов, давно живущих в Польше и в Россию целыми слободами; их приказывали селить на территории Новослободского полка. В резолюции от 13 октября 1761 г. Екатерина одобряла, между прочим, поселение здесь выходцев из Валахии, которые не пожелают оставаться в ведении Хорвата. В 1756 г. Новослободский полк насчитывал 3592 дв., или 3368 семей; в 60-х годах цифра эта поднимается до 5049 дв. или семей. Население возрастало, таким образом, довольно быстро благодаря притоку его отовсюду.

Волохи, очутившиеся в пределах Новосербского и Новослободского поселений, попадали в эти области различными путями. Среди них были прежде всего старожилы, задолго до появления сербов осевшие на занятой ими территории или перекочевавшие отсюда затем на юг в Новослободскую зону. Но большинство составляли, конечно, новые поселенцы.

Число их на долю волохов приходится около 400. За ними последовали новые группы. Некий «молдавский шляхтич» Манолакий Замфиракович прибыл в 1752 г. в Новую Сербию и заявил о желании большого количества сербов, греков и волохов переселиться в Россию «в службу и вечное подданство». Русское правительство долго не решилось на ответ, так как условия Белградского мира предусматривали выдачу самовольно ушедших из турецких пределов. Пока вопрос обсуждался, Хорват собственной властью принял па службу Замфираковича и разрешил ему вызывать желающих переселиться в Новую Сербию с тем, чтобы переход совершался тайно и через Польшу. Тем временем русский посол в Константинополе Обрезков сообщил своему правительству, что переходы, по его мнению, вполне допустимы, если они совершаются без огласки и небольшими партиями. После этого вопрос был решен и на переселение волохов по «способу Хорвата-Обрезкова» было дано согласие.

Переходы по собственному почину – нередкое явление в последующие годы Царствования Екатерины, как нас убеждают в том документы Новосербского корпуса. Списки вышедших из-за границы в Россию не всегда отмечают, имеются ли в виду вышедшие по собственной инициативе или по приглашению. Таковы, например, очень ценные третные рапорты о состоянии Новосербского корпуса, охватывающие промежуток времени от 1759 до 1762 г.

Широко практиковалась система вывода иностранцев офицерами и полковыми чиновниками, которые для этой цели получали разрешение отправляться за границу. Указ 7 августа 1756 г. устанавливает, что у военнотружущих, отправляющихся с паспортами от команд за границу «для забранья фамилий или, под претекстом партикулярных нужд, для вербованья», не следует «вычета из жалования чинить». Но операции эти были и выгодным делом, так как выводы оплачивались я награждались чипами. Так, рядовому уплачивали в Новой Сербии по три рубля с человека, не считая расходов по содержанию выводимого, на вербованный значительное число офицеров получал чип капитана, выведший до 70 чел. – поручика, до 50 чел. – прапорщика и до 30 чел. – вахмистра. При таких условиях вербовка принимала иногда, естественно, характер спекуляции и приводила к злоупотреблениям. В 1762 г. кн. Мещерский потребовал от канцелярии Хорвата сведений о том, когда, сколько и кем было

выведено людей из-за границы, то оказалось, что последняя списков тому не вела, в силу чего их пришлось восстанавливать по данным канцелярий отдельных частей.

Трудно установить национальный состав выведенных или прибывших, чтобы определить роль волохов в пополнении Новосербских частей. В отдельных списках, отмечающих национальность выведенных или прибывших волохи преобладают. Списки эти относятся к 1756 и 1759 гг. Волохи представляли собой заметный элемент в составе Новосербских полков и Новомиргородского гарнизона.

Большинство местностей, из которых вышли волохи, упоминаемые в днепропетровских документах 1759 – 1762 гг., принадлежит южным окраинам Польни и Молдавии на восток от Прута.

В Славяносербии в привилегированном положении оказалась главным образом полковая старшина. Рядовым военным служащим приходилось труднее, и условия жизни их напоминали в общем жизнь их земляков на правом берегу Днепра, рядовых новосербских гусар. Навыки, усвоенные начальством поселенцев, не замедлили дать себя знать.

На восток от Днепра славянская колонизация не дала тех результатов, которых от нее ожидали. Заселение шло медленно, иностранцы селились неохотно, а между тем по содержанию Славяносербии правительству пришлось нести большие расходы, доходившие до 41 тыс. руб. в год. Ко вступлению на престол Екатерины военные колонии решено было реформировать. Указом от 11 июня 1704 г. Славяносербия как самостоятельная единица была уничтожена и превратилась в часть Новороссийской губернии, влившись затем в созданную в 1765 г. Екатерининскую ее провинцию [5].

Литература:

1. Загоровский Е. А. Очерки по истории славянской колонизации в Новороссии в XVIII в. Сербские военные поселения // Военно-исторический вестник. – 1912. – Кн. 1 и 4; 1913. – Кн. 1.
2. Феодосий (А. Г. Макаревский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. – Екатеринослав, 1880. – Вып. 1. – С. 5.
3. Эварницкий Д. И. Сборник материалов для истории запорожских казаков. Спб., 1888, с. 134, 192; Шмидт А. О. Херсонская губерния, ч. 1. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, Спб., 1863. – Т. 24. – С. 29; Архив князя Воронцова, т. 25. М., 1882, с. 193; Ткаченко М. Утворення Нової Сербії на Запорізьких землях у 1752 р. // Україна. – 1926. – Кн. 17. – № 2 – 3. – С. 154 – 158.
4. ПСЗ. – Т. XIII. – № 9924.
5. Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России. – Л. : Наука, 1975. – С. 32 – 50.